

Преднамеренное производство интеллигенцией мифов и символов является частью объективного процесса национальной консолидации. Национальные идеи могут найти отклик у образованной публики, если за ними стоит авторитет науки. Поэтому история, филология, антропология придают «научность» мифам об этническом прошлом, как бы систематизируют поэтические метафоры. Чаще всего происходит так, что некоторые сознательно творимые погрешности против исторической истины обнаруживаются уже поздно. Спустя некоторое время, когда исторические мифы, выдуманнные истории или фальшивые святыни бывают раскрыты, они уже выполнили свою роль - добились пробуждения тех национальных чувств, которых требовала интеллигенция.

Энтони Смит.

А.Ю.Бендин, кандидат исторических наук, доцент. Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета.
Минск. Беларусь.

Проблемы этнической идентификации белорусов 60-х гг. XIX – начала XX вв. в современной историографии.

В современной белорусской историографии заметно выросший интерес к проблемам этнической идентификации населения губерний Северо-Западного края Российской империи в 60-х гг. XIX – начале XX вв. продиктован причинами как сугубо научного, так и политического характера.

Политический аспект проблемы.

Конструирование идеологии белорусского этнонационализма* началось в конце XIX в. На протяжении столетия менялись субъекты конструирования, их цели, политическая практика, социальное положение и партийная принадлежность. Однако в изменяющихся исторических условиях неизменной оставалась идеологическая константа – абсолютизация культурно-языковых, конфессиональных и психокультурных различий русских, под которыми понимались исключительно великороссы, и белорусов.

История и этническая традиция играют главную роль в националистическом мифе. Поэтому главный тезис этнонационализма – исторически изначальное существование белорусов как особого этноса, отличного от русских (великороссов) и поляков, со своей особой исторической судьбой, наиболее последовательно был сформулирован в историографии. Ярким примером создания исторической мифологии этнонационализма стала “Кароткая гісторыя Беларусі”, созданная В.Ластовским в 1910г, в которой впервые был сформулирован тезис о белорусском народе действовавшем, по словам современных исследователей, в качестве «самостоятельного субъекта исторического

* Понятия национализм и этнонационализм используются в данном тексте в значении, общепринятом в западноевропейской гуманитарной науке, то есть без всякой оценочной нагрузки и только для обозначения определённых исторических явлений.

процесса».¹ Следствием такого методологического подхода явилось провозглашение Полоцкого княжества, а затем и Великого княжества Литовского в качестве политической формы исторически эволюционирующей белорусской государственности. Идеология национализма представляет историю существования народа как поляризованную вокруг конфликтных интересов и ценностей. Поэтому в мифе, претендующем на монополию в формировании исторического самосознания белорусов, трактовка конфликтных отношений Полоцка и Киева, Великого княжества Литовского и Речи Посполитой с Московским государством и Российской империей приобретает особое значение. Межгосударственные столкновения интерпретировались в качестве межэтнических конфликтов и оценивались как длительная и справедливая борьба белорусского народа против исторического империализма русских за национальную территорию, свободу и независимость. Идеологический конструкт, предложенный В.Ластовским в качестве субъекта исторического процесса, целиком укладывается в описанный Р.Брубейкером «миф группизма», который постулирует этносы как реально существующие группы с внутренней гомогенностью и внешними границами.² Идеологический дискурс Ластовского содержит также отмеченное Э.Смитом и характерное для национализма сожаление об отсутствии утраченных ранее свободы и единства, о потере самоидентичности, выражает надежду на социальное и политическое освобождение от «иноземного» господства.³ Аналогичные идейные позиции отстаивал в это время известный национальный активист Я.Лёсик. Несколько позже, в 1917 году он писал: «...мы должны помнить и всегда иметь в виду, что белорусы – народ особый и не похожий ни на русских, ни на поляков, следовательно, и интересы у нас особые, белорусские, отличные и даже не совместимые с интересами русских, поляков или каких-либо иных народов. ...Беларусь имеет всё необходимое, чтобы стать краем цветущим и богатым, а не таким отсталым и заброшенным, каким он стал под властью московской государственности, и мы все, граждане земли белорусской, должны приложить все силы, чтобы сбросить с себя власть чужаков и избавить край наш от управления московцев».⁴

Историческое происхождение этнонационализма как идеологии связано с деятельностью революционных организаций народнического и эсеровского толка, действовавших на территории Северо-Западного края в конце XIX - начале XX вв., и провозглашавших в своих политических документах принцип автономии Белоруссии в постмонархической федеративной России. Появление в партийных программах политических целей (автономия, а затем и создание независимой демократической республики) свидетельствует с точки зрения таких исследователей национализма как Э.Геллнер и Б.О.Лири о появлении национализма как идеологии, «легитимирующей конгруэнтность культурных и политических границ социума».⁵ Разумеется, что в данном случае речь идёт лишь о формировании элементов такой идеологии.

Следует отметить, что с точки зрения названных исследователей, формы групповой солидарности, основанные на этнокультурной идентичности, но не содержащие отчётливо выраженных политических

целей (создание собственного государства и т.д.) не могут называться националистическими. По определению О.Лири «Сознание общей культурной, религиозной и территориальной идентичности не является сутью национализма».⁶ Следовательно, начавшаяся во второй половине XIXв. представителями местной шляхты литературная и публицистическая деятельность на белорусском языке. (Ф. Богушевич и др.), декларировавшая о наличии этнических связей, объединяющих членов группы в единый народ, не может интерпретироваться как составная часть «национально-освободительного движения».

Эволюция дореволюционного этнонационализма (подражание польскому и украинскому) как идеологии, призванной к «созданию идейных рамок для национальных движений»,⁷ не привела после 1905г. к формированию белорусского национального движения сепаратистского толка в качестве массовой политической силы. К началу первой мировой войны этнонационализм, как явление общественной жизни, оставался сугубо культурным и в социальном отношении маргинальным, имевшим влияние в слоях немногочисленной католической и оппозиционно настроенной местной интеллигенции, группировавшейся вокруг газеты «Наша ніва». Идеи завоевания независимости и представления о себе как особом народе, отличном от великороссов и малороссов, не пользовались поддержкой в крестьянской среде, которая, как следует из опыта стран Центральной и Восточной Европы, выступала в качестве основной движущей силы процесса формирования наций.

Этот локальный этнический национализм, в своём социальном измерении представленный группой культурной интеллигенции, не обладал силой легитимации, способностью к организации солидарного этнического поведения и социальной мобилизации масс. Отсутствие перехода от национализма интеллигенции к массовому движению свидетельствует о том, что практика и идеология этнических активистов не отвечали на социальные, политические, идеологические и культурные ожидания и потребности крестьянского, прежде всего православного населения Северо-Западного края. Как справедливо отмечал польский исследователь Р. Радик, в границах Православной Церкви «никогда не удавалось вызвать белорусского или украинского национального сепаратизма».⁸

Главной же причиной того, что национальное сепаратистское движение, которое можно определить как предпринимаемые в течение довольно длительного времени «усилия большого количества людей с целью коллективного решения проблем, воспринимаемые как общие»⁹ так и не возникло в этом регионе, стало реальное отсутствие этнического конфликта между белорусами (православными) и великороссами. Существование такого конфликта признаётся современными исследователями в качестве движущей силы националистических движений.¹⁰

В Северо-западном крае конфессиональный фактор играл ведущую роль в производстве этнических различий. Конфессиональные границы между православными и католиками проходили внутри этнической группы. Конфликты, возникающие в связи с изменениями конфессиональных границ (для Православия - проблема «упорствующих в латинстве, для

Католицизма – тайный и открытый прозелитизм), являлись определяющими для консолидации соперничающих религиозных общин вокруг своей религиозной символики и этнорелигиозных центров. Эти конфликты укрепляли польско-католическую идентификацию меньшинства населения с одной стороны и православно-русскую, инклюзивную (расширительную), с другой. Внутри этнической группы белорусов, общность, основанная на православно-русской идентификации, во второй половине XIX – начале XX вв. сформировалась в качестве доминирующей. Таким образом, до 1917г. и позже белорусское население на *массовом уровне* не испытывало потребности в политическом оформлении своего существования в качестве особой, отличной от великороссов и малороссов этнической группы.*

Но для идеологов этнонационализма, мыслящих в категориях исторического детерминизма, переход к строительству национального государства является процессом неизбежным. «Этот переход, - по словам Э.Смита - потребует от народа мобилизации и активного участия в национальном движении. Но национальное пробуждение предусматривает также внутреннее очищение. Необходимо избавиться от иностранных культурных влияний, чтобы обновить подлинную идентичность общности. Образование и пропаганда убедит членов общности в их общей идентификации и обновит утраченную солидарность».¹¹ Отсутствие у абсолютного большинства белорусов мотиваций для осуществления этой националистической доктрины порождала необходимость формирования *активистской этики поведения*, призванной преодолеть *не должную* с точки зрения национализма, этническую пассивность населения. Импульсами для появления националистического активизма стали падение монархии и большевистский переворот.

Распадение единого российского государства и утверждение власти большевиков в центре страны побудило окраинные национальные партии к созданию этнических государств. Первой попыткой государственной проекции идеологии этнонационализма в условиях германской оккупации, стало провозглашение в марте 1918 Белорусской народной республики. Это был первый опыт структурирования постимперского политического пространства Северо-Западного края по этническому признаку. Вызванный исключительно внешними условиями неудавшийся политический проект группы национальных активистов явился попыткой институционализации этничности в форме независимой от России государственности. Реализация проекта этнического суверенитета не получила поддержку большинства населения белорусских земель.**

* Упомянутый нами ранее национальный активист Я.Лёсик сетовал в 1917 году на нежелание крестьянства воспринимать групповую идеологию этнонационализма: «Наши крестьяне на съездах высказывались в том смысле, что им не нужна автономия, но делали они это по неразумению и темноте своей, но более всего в результате обмана, так как вместе с этим они говорили, что и язык им не нужен. Никто в мире не отрекается от своего языка, ... а наши крестьяне отрекаются. Значит, - делают они это по неразумению и темноте. ... По тем или иным вопросам мы обращаемся к знатокам и специалистам, а вот при государственном строительстве удовлетворяемся мнениями таких специалистов, как тёмный и некультурный народ... Народ – вещь хорошая, но ему необходимо рассказать, разъяснить, его необходимо сначала просветить, научить, и только потом уже звать к себе на совет. – Я.Лёсик. Аўтаномія Беларусі. Мн. 1917. С.с. 5-6.

** об этом свидетельствуют документы, которые позволяют исследователю А.Н.Резнику сделать вывод о том, что «лишь меньшинство белорусского населения ... поддержало БНР», которая «не обладала

Очередное «огосударствление» этничности, произошедшее в советский период в рамках объявленного «федерализма» имело своей действительной основой этнонационализм,¹² претерпевший известную идеологическую эволюцию и просуществовавший до распада СССР. Свидетельством формирования этнической государственности в форме БССР в 20-х – первой половине 30-х гг. XX в. стала политическая практика «белорусизации», ставившая своей целью ускоренное формирование идеологически сконструированной этнической идентичности с помощью административного принуждения и политических обвинений в великодержавном российском шовинизме.¹³ В качестве субъекта «белорусизации» выступила республиканская коммунистическая партия и органы государственной власти.* Объектом подавления стала русская культура, Православие и общерусская религиозно-этническая идентичность населения восточной Белоруссии. Произошло искусственное сужение инклюзивной формулы «русскости», основанной на вероисповедной и этнической общности великороссов, малороссов и белорусов, до идеологически зауженной «белорусской». В результате терминологической подмены этноним «русские», который применялся для идентификации православного населения России, стал использоваться только по отношению к великороссам. Белорусизация земель, которые вошли в состав БССР, как и украинизация земель Советской Украины, упразднившая понятия Малороссия и малороссы, раскололи общерусскую религиозно-этническую идентичность восточнославянских народов, положив начало формированию новой, узко этнической идентичности белорусов и украинцев. Практика белорусского национал-большевизма, вызвавшая массовое неприятие населения, как региональный опыт форсирования процесса советского «нациестроительства», была сочтена идейно ошибочной (противоречащей принципам советского интернационализма) и свернута к середине 30-х гг. Носители национальной идеи в её советской интерпретации, включая и активистов дореволюционного национализма, были подвергнуты репрессиям НКВД. Однако главный результат советской национальной политики – институализация новой белорусской этничности как основы государственно-административного устройства, оставался незыблемым в довоенные и послевоенные годы.

В 40-е годы XX в. свою лепту в конструирование идеологии этнонационализма, на этот раз на антисоветской основе, внесли коллаборационисты периода немецкой оккупации,** а затем и белорусская эмиграция второй волны.

признаками, характерными для полноценного государства». – А.Н. Резник. К вопросу о государственности БНР, или Так была ли БНР государством?. – Мн.2002. С.с.20, 34.

* Белорусизация в 20-е годы проводилась на партийно-государственном уровне. Решения, которые определяли её предназначение, направления, содержание, формы и методы, осуществление тех или иных практических вопросов принимались в высших партийных инстанциях (ЦК КП(б)Б) и органах государственной власти (ЦИК, СНК БССР). – Беларусізацыя. 1920 – я гады: Дакументы і матэрыялы / У. К. Коршук, Р.П. Платонаў, І.Ф.Раманоўскі, Я.С. Фалей; пад агульнай рэд. Р.П.Платонава і У.К. Коршука. – Мн. 2001. С.259.

** 18 июля 1942 года в оккупированном Минске орган националистов «Беларуская газэта» следующим образом определяла их идейные позиции: «Теперь следует особо подчеркнуть, кто является нашими

Политическое поражение этнонационализма в первой половине XX в. (помимо сугубо внешних причин) было обусловлено тем, что согласно Дж. Армстронгу, конституирующий миф этнической общности, объясняющий и оправдывающий её существование,¹⁴ или иными словами мифомотор, призванный объединить этническую группу в единую общность поверх конфессиональных и социокультурных барьеров с целью строительства независимого государства, вместо инструмента консолидации превратился в фактор разъединения. Немалую роль в дискредитации предлагаемого националистами мифомотора, сыграли идеологические метаморфозы, которые претерпевали националистический активизм и национальная идея в коммунистической и нацистской модификациях.

Возникшее в конце 80-х гг. XX в. в среде научной и творческой интеллигенции оппозиционное антикоммунистическое движение начало активно использовать лозунги этнического национализма в качестве инструмента политической мобилизации населения для борьбы за создание независимой белорусской государственности. Либеральный дискурс, характерный для движения, позиционировавшего себя в качестве демократического, имел своей реальной идеологической основой очищенный от интернационалистской риторики этнонационализм.

К середине 90-х гг., в связи с приходом к власти новой политической элиты, процесс непосредственного воздействия идеологии этнонационализма на национально-государственное строительство был приостановлен. Однако эта идеология, так и не получившая массовой поддержки на всех этапах своего формирования, нашла своё воплощение в «национально-государственной концепции истории Беларуси». На основе этой концепции были созданы учебники для средней и высшей школы, написаны многочисленные исследования по этноконфессиональной истории, истории образования, общественно-политических движений и тд. Академик М.П.Костюк, выступая на II Всебелорусской конференции историков в апреле 1997г констатировал, что «на позиции национально-государственной концепции истории Белоруссии стало абсолютное большинство историков».¹⁵ Разумеется, что сторонники «национальной концепции» заняли в этот период руководящие позиции в управлении исторической наукой. Переход историков на новые идеологические «позиции» в начале 90-х гг. осуществлялся под лозунгами известной триады: «Деидеологизация, дебольшевизация и деполитизация», сформулированной М. Бичом и М. Костюком в качестве кредо национальной

врагами. Первым врагом, как и врагом новой Европы является жидо-коммуна. Её банды уничтожены. Но кроме явных врагов, мы имеем много скрытых, которые в душе ненавидят наше Возрождение и всеми способами препятствуют нашей национальной жизни. Таких врагов вокруг нас больше, чем лесных бандитов. Есть остатки шлях-панских чиновников и их прислужников, польских ксендзов, которые болезненно мечтают о польском империализме и которые теперь фактически являются союзниками жидо-коммуны. Под влиянием этих панов всё ещё находится часть нашего отуманенного крестьянства Западной Беларуси. Это крестьянство мы должны самым быстрым образом освободить от вредного влияния и протереть ему глаза, засыпанные польско-костельной ложью. Здесь, в Минске и других городах Восточной Беларуси, врагами нашими являются скрытые коммунисты и вообще русские, или отуманенные Москвой «белорусь». ... Минск должен стать центром собственной белорусской жизни под немецким водительством в новой Европе. – А.Літвін. Акупацыя Беларусі (1941 -1944): пытанні супраціву і калабарацыі. – Мн.2000. С.с.275-276.

историографии.¹⁶ В период господства «исторического романтизма» парадоксы деидеологизации не воспринимались как нечто противоречащее научному дискурсу исторических работ. Для неофитов постсоветской историографии процесс усвоения «национально-государственной концепции», предложенной её творцами научному сообществу, не был, как правило, отрефлектированным. Поэтому новый идеологический дискурс, рождавшийся на глазах из элементов и конструкций прежних марксистских схем, насыщенный морализаторской риторикой и оценочными характеристиками в силу своей ярко выраженной национальной ангажированности, претендовал на статус научного, не встречая серьезного оппонирования.

Однако доминирование сторонников новой идеологической парадигмы было недолгим. Политические перемены, произошедшие в республике в середине 90-х, пошатнули их позиции как в самой исторической науке, так и в её руководстве. Эти процессы, охарактеризованные как «ресоветизация истории», реанимировали процессы противостояния среди исследователей и привели к появлению нового поколения учебников белорусской истории. В результате сложилась ситуация, когда в современной Белоруссии, с точки зрения представителей вышеуказанной концепции, «существуют две историографии: **национальная**, которая создаёт субъектную историю страны, это значит видит белорусский народ субъектом собственной истории,...и **колониально-российская** историография, которая пишет историю Беларуси, исходя из интересов другой страны.»¹⁷

Вызванный политическими причинами «раскол» научного сообщества историков вновь выявил претензии историографии, позиционирующей себя в качестве «национальной» на обладание подлинно научным дискурсом, в отличие от своих идеологически ущербных противников из лагеря «колониально-российской историографии». Насколько обоснованы эти претензии? Не является ли попытка создания «субъектной истории страны» очередной идеологической конструкцией? Чтобы выяснить это, необходимо проанализировать опыт «национальной» историографии в изучении конкретной проблемы, позволяющий выяснить степень научности дискурса, используемого в исследовательской практике. Такая постановка вопроса вполне корректна в связи с тем, что как будет показано в дальнейшем, проблемы формирования этнической идентичности белорусов в пореформенный период изучали в основном представители «национальной» историографии.

Научный аспект проблемы.

Если говорить о ситуации в целом, следует отметить, что, начиная с периода «перестройки» белорусские историки весьма активно занимались исследованиями, посвящёнными проблемам нации и этноса. Однако, согласно утверждению М.Соколовой, до сегодняшнего дня ещё не создана последовательная концепция формирования белорусской нации и совсем немного общепринятых «истин» в интерпретациях нации и этноса.¹⁸

Конкретизируя сделанный вывод, необходимо пояснить, что в настоящее время ведущим аналитическим инструментом современной белорусской историографии в изучении феноменов этничности и

национализма во второй половине XIX – начале XX вв. по-прежнему остаётся эссенциалистская парадигма, т.е. господствовавшие в советском обществоведении марксистско-позитивистские представления о нациях как продуктах эволюции этносов и об этносах как само собой разумеющихся данностях.¹⁹ В силу вышеуказанной особенности понимания проблем этничности и национализма, автору статьи пришлось уделить непропорционально большое для сугубо историографического анализа внимание критике теоретической обоснованности подобных представлений. Такая позиция, нетрадиционная для историографического нарратива, продиктована следующими обстоятельствами:

- анализируемые исторические работы в той или иной степени носят междисциплинарный характер, в частности речь идёт об исследованиях, в которых используется понятийный аппарат этнологии, социальной антропологии и других научных дисциплин;
- парадигмы, господствующие до сих пор в белорусской и российской этнологии воспринимаются историками без должной критической рефлексии;
- применение этих парадигм приводит к идеологическим трансформациям научного дискурса исторических исследований.

В продолжение вышесказанного следует заметить, что понятие «этническая идентичность» в таких дисциплинах, как социальная антропология, социология и социальная психология является одним из обозначений такого феномена, как «этничность». Следовательно, изучение историками проблем этнической идентификации предполагает выбор того или иного подхода к пониманию этничности. Основной задачей данной статьи является исследование результатов, к которым приводит выбор эссенциалистской парадигмы в трактовке проблем этничности и, следовательно, вытекающее из этой трактовки понимание проблем формирования этнической идентификации белорусов в 60-х гг. XIX – начала XX вв.

Для начала необходимо отметить, что на эссенциалистской парадигме понимания этничности базируется концепция «национального возрождения», сформированная в белорусской историографии в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия, усилиями покойного ныне М. О. Бича (1927-1999гг) и ряда других авторов.* В работах, выполненных в русле этой парадигмы, феномен этнической идентичности не служит предметом научной рефлексии исследователя, а выступает в основном в роли этнического маркера. Такая практика используется при изучении проблем имперской этнолингвистической политики, истории светского и религиозного образования, при анализе конфессиональной ситуации в Северо-Западном крае, в работах по истории отдельных конфессий, а также при исследовании социально-политических явлений и процессов регионального характера.**

* М. Біч. Беларускае адраджэнне у XIX – пачатку XX ст. - Мн.1993; Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. Ч 1. – М.Касцюк (гал.рэд.) і інш. Мн. 1994; Лыч Л, Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. – Мн. 1996; Лыч Л. Беларуская нацыя і мова. – Мн.1999.

** Снапкоўская С.У. Гісторыя адукацыі і педагагічнай думкі Беларусі (60-я гг. XIX – пач. XX ст.). – Мн. 2001; Яноўская В. Гісторыя хрысціянскай царквы на Беларусі – Мн. 2002; Грыгор’ева В.В., Завальнюк У.М.,

Что же касается работ, посвящённых проблемам формирования этнической идентичности белорусов, рассматриваемой авторами в качестве «базового феномена этнического самосознания»²⁰ и ставших предметом научной рефлексии, они, в свою очередь, представлены в виде статей в научных сборниках и периодических изданиях.*

Работы М.О.Бича в теоретико-методологическом плане служат своего рода каноном национального мышления для исследователей истории Белоруссии этого периода и являются важнейшими компонентами «национально-государственной концепции истории Беларуси». Предметом изучения автора является история формирования и развития белорусского национального движения в культурном, идеологическом, политическом и социальном аспектах. Эти работы содержат в себе теоретико-методологические предпосылки, критический анализ которых является необходимым, во-первых, для того, чтобы уяснить теоретическую состоятельность концепции «национального возрождения»; во-вторых – степень научной эффективности применения этой концепции в конкретно-исторических исследованиях. Или, иными словами, предполагается ревизия основополагающих тезисов, оценок и выводов, сделанных на основе применения этой концепции в исследовании таких исторических феноменов, как *восстание* 1863-1864гг на территории Северо-Западного края, политика *русификации* во второй половине XIX – начале XXв, *белорусское национальное движение*, теория и практика «*западнорусизма*». Специальным предметом предпринимаемой ревизии является практика этнической маркировки указанных феноменов. Критический анализ этого опыта позволит выявить конкретные механизмы интерпретации этнической идентичности белорусов 60-х гг.XIX – начала XX вв., применяемые представителями современной «национальной» историографии.

Анализ текста М. Бича “Беларускае адраджэнне у XIX – пачатку XX ст.” позволяет определить исследовательскую стратегию автора. Основой его методологического подхода к исследованию заявленной темы является тезис о существовании в начале XIX в. “самостоятельного белорусского этноса”.²¹ Этот основополагающий тезис определяет методологию, цели и выводы исследования. Применяемый автором метод верификации тезиса предлагает нам принять в качестве убедительной научной истины утверждение, что на территории Северо-Западного края в указанный период существовала этническая общность, члены которой имели общее название и общие элементы культуры, обладали мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладали как бы общей исторической памятью, могли ассоциировать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности. Таково одно из определений понятия «народ», утвердившихся в современной этнологии.²²

Навіцкі У.І., Філатава А.М. Канфесіі на Беларусі (к.XVIII – XX ст). – Мн.1998; Энциклапедыя Гісторыі Беларусі Т. 1-7. Мн.1993-2003.

* Чаквін І.В. Терешкович П.В. Из истории становления национального самосознания белорусов (XIV – начала XX в.). – Советская этнография. 1990. № 6; Церашковіч П.У. Этна-канфесіянальная палітыка Расейскай адміністрацыі і фарміраванне беларускай свядомасці у другой палове XIX – пач.XX ст. – Наш радавод. 1992. Кн.4. частка 3. Гродна.1992; Токць С. Нацыятворчыя працессы на Гарадзеншчыне. 19 – пачатак 20 ст. у святле тэорыі мадэрнізацыі. – Гістарычны альманах. Т.6. 2002;

Следовательно, возникает необходимость выяснить насколько корректным в научном отношении является употребление понятия «этнос» или народ относительно этнической группы белорусов, проживавшей на территории Северо-Западного края в XIX – начале XX в.

Для того, чтобы утверждаемый автором тезис о существовании «самостоятельного белорусского этноса» приобрёл правдоподобный научный статус, требуется, чтобы группа людей, проживавших на означенной территории в пореформенный период, обладала необходимыми характеристиками, которые позволили бы говорить об очевидном присутствии этничности. К числу характеристик этничности относятся:

- разделяемые членами группы представления об общем территориальном и историческом происхождении, единый язык, общие черты материальной и духовной культуры;

- политически оформленные представления о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые могут считаться частью того, что составляет понятие «народ»;

- чувство отличительности, т.е. осознание членами группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом формы солидарности и совместные действия.²³

Приведённые характеристики, принятые в современном научном сообществе, позволяют сделать сравнительный анализ двух подходов к пониманию этничности:

а) «национально-возрожденческий», который предлагает М. Бич для утверждения своего тезиса;

б) конструктивистский, предлагаемый В.Тишковым и позволяющий считать этническими такие общности, которые соответствуют всем вышеназванным характеристикам. На основании этого анализа можно сделать вывод, что для М. Бича понятие этничности связано прежде всего с присутствием сугубо объективных признаков, – территории, языка* и элементов общей культуры.²⁴ Аналогичный подход характерен и для авторов статьи «Белорусы», которые утверждали с одной стороны, что «белорусы являются самостоятельным этносом», а с другой, что «самоназвание белоруса ещё не имело общеэтнического и национального содержания».²⁵ Итак, с их точки зрения этнос предстаёт как некая объективно существующая общность без этнического содержания, т.е. без осознанной самоидентификации. Однако согласно конструктивистскому подходу к этничности, лишь наличие этнического самосознания с определённой говорит о существовании этнической общности.²⁶

Таким образом, для «национально-возрожденческого» подхода характерно эссенциалистское понимание этничности, т.е. представление «об этносах как само собой разумеющихся данностях», что позволяет элиминировать ключевую проблему *убедительности* используемого понятийного аппарата. Становится очевидным, что при этом игнорируются

* По замечанию Д. Сталюнаса, к середине XIX в уместно говорить о “континууме диалектов”, но по привычке употребляют термин белорусский язык. Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ. – *Ab imperio*. 2003. №1.С.263.

такие важнейшие характеристики, которые свидетельствуют о том, что отличительные черты этнических групп не могут сводиться к сумме содержащегося в их пределах культурного материала, а должны определяться прежде всего тем значимым, что для себя считают сами члены группы (или эта значимость навязана извне) и что лежит в основе их самосознания.²⁷

Возникает вопрос, кто же является референтом термина «самостоятельный белорусский этнос», если утверждаемая данным термином реальность не соответствует важнейшим характеристикам этничности. Очевидно, следует согласиться с тем, что указанный термин утрачивает модус научного существования и переходит в модус существования идеологического. И что более корректной в научном отношении является постановка вопроса об *ином состоянии этничности* белорусов, нежели тезис о «самостоятельном белорусском этносе».

Остаётся выяснить, каким образом тезис, ставший краеугольным камнем авторской методологии, предопределил цели и выводы исследования. Механизм *целесолагания* формируется по следующей схеме. Если существование «самостоятельного белорусского этноса» к середине XIX в. является для исследователя объективной истиной, тогда появление т.н. «национального возрождения» конца XIX – начала XX вв. становится исторически неизбежным. В свёрнутом виде оно уже задано в исходном тезисе М. Бича. Содержание тезиса раскрывается, подобно гегелевской абсолютной идее, в процессе исторической эволюции, в результате которой этнос в своей высшей стадии развития становится нацией. Роль гегелевского абсолюта играет идея национальная, творцом и носителем этой идеи выступает группа интеллигенции. У читателя создаётся впечатление полного торжества исторического прогресса, победный детерминизм которого воплощён в национальной истории. Однако идеологический модус существования «этноса», заданный М. Бичом, неизбежно приводит нас к выводу, что предопределённая цель эволюции – феномен «национального возрождения» – также получает статус идеологемы. Примат идеологии в научном исследовании становится неизбежным, так как автор использует объективные критерии принадлежности к своему этносу (язык и культура), не зависящие от самосознания членов этнической группы.

При таком подходе к проблеме опыт восприятия белорусами объединяющих их связей в качестве этнических, точно так же как и различные практики осознания себя в качестве *народа*, из объекта научной рефлексии становятся предметом эссенциалистской *веры* исследователей. Эта вера или национальное воображение авторов создают идеологическую картину этничности. В частности, эссенциалистскую формулу «белорусскости».

В результате идеологической селекции, проводимой в советский и постсоветский периоды, содержание этой формулы вбирает в себя только те явления этнической культуры и социально-политической жизни, которые конвенционально верифицируются и утверждаются в качестве аутентично национальных. Пропущенные через партийное и групповое идеологическое сито, события белорусской истории получают соответствующую

национальную интерпретацию. В доказательство этого положения следует привести несколько примеров.

В соответствии с логикой исследования в качестве субъекта эволюционного процесса превращения этноса в нацию выступает «белорусское национально-освободительное движение» в его культурных и политических формах, в качестве объекта – крестьянское население и часть представителей ведущих сословий, дворянства и духовенства. Целью национального движения – как утверждает М.Бич – являлось «самоутверждение белорусов как самостоятельной нации в границах их этнического расселения, признание факта её существования другими народами и государствами, и вместе с тем и права белорусов на ... национальную государственность».²⁸

1863г. в Северо-Западном крае. Механизмы мифотворчества.

Последовательное развёртывание тезиса о существовании «самостоятельного этноса» приводит автора к выводу о том, что в восстании 1863-1864гг на территории Белоруссии и Литвы белорусское национально-культурное движение перерастает в стадию политической борьбы. Или, по утверждению М. Бича, накануне и в ходе восстания здесь (т.е. в белорусско-литовском регионе) проявилось течение белорусского национально-освободительного движения во главе с Калиновским.²⁹ В этом же примерно смысле высказывается и А. Кавко: «К. Калиновский ставит, пусть поначалу недостаточно выразительно и непоследовательно, собственно белорусские («литовские») требования в общепольском национальном движении».³⁰ Следовательно, локальные вооруженные выступления отрядов местной шляхты, идентифицирующей себя в качестве польской, в парадигме «возрождения» неизбежно приобретают характер национально-освободительного восстания белорусов с целью обретения собственной этнической государственности в рамках проектируемой «Литовско-Белорусской республики». Это значит, что Российская империя утверждается в качестве национального угнетателя белорусов, а белорусы, в свою очередь легитимизируются в историографии в качестве жертвы колониального и национального угнетения со стороны представителей чужого этноса – русских (великороссов). Следовательно, белорусы как угнетённый «самостоятельный этнос», получают право на различные формы оппозиции, вплоть до вооружённого мятежа. Происходит идеологическое *конструирование* конфликта между «белорусским этносом» и Империей, этническая маркировка и мифологизация образов его участников.

Новый «национальный» концепт восстания создаётся с помощью терминологической и смысловой *подмены*. Механизм её выглядит следующим образом. Как отмечает С.И. Каспэ, опережающая модернизация (в первую очередь Польши) привела к формированию здесь ... протонациональных сообществ, развернувших борьбу за эмансипацию от имперского господства – уже не под сословными или локально-территориальными, но именно национальными знамёнами, что и стало главной угрозой политической стабильности России.... Польская шляхта к

началу XIX в. по ряду причин уже подверглась достаточно интенсивной национальной политической мобилизации; таким образом «польское национальное движение» не нуждалось в фазе «А», оно прямо перешло в фазу «В». ^{31**} Вытекающее из этой ситуации *стадиальное* отставание в уровне этнической мобилизации между поляками (шляхтой) с одной стороны, и белорусами (крестьянами), ещё не вступившими в фазу «А», с другой, не анализируется, как сложная и внутриконтрастная этносоциальная реальность, а преодолевается идеологическим усилием. Происходит наделение белорусов такой этнополитической динамикой, которая была присуща в этот период *исключительно* польской шляхте, социальной группе с высокой дворянской культурой. Стадиальный прыжок в развитии национального движения белорусов становится возможным на основе интерпретаций идеологических воззрений *одного* из руководителей сепаратистов В. Калиновского, который «попытался в новое время использовать национальный вопрос в революционной борьбе». ³² Революционно-террористическая, социально-уравнительная, и в особенности, сепаратистская риторика этого лидера, связанная не в последнюю очередь с психофизическим складом личности, трактуется как идеология национального освобождения белорусов, обладавшая мобилизационным эффектом в повстанческой и крестьянской среде. В результате – региональной шляхте с польской самоидентификацией вменяется такой уровень белорусского этнополитического самосознания, который уместен лишь для этнических активистов или «национальных» историков XX столетия. Их совместными усилиями В.Калиновский, социальный демагог, русофоб и апологет террора, представлен в современной историографии как «первый белорусский политический деятель нового времени» ³³, а «Мужыцкая праўда» – агитационный листок повстанцев, в качестве «первой национальной газеты». ³⁴

Характерно, что при этом игнорируются реальные территориально-политические цели сепаратистов из состава местной шляхты (независимость *политического* народа Речи Посполитой), их социальный, этнический и конфессиональный состав. Замалчивается тактика террора против мирного белорусского населения, приведшая к многочисленным жертвам (свыше 600 человек), социальный и этноконфессиональный состав

* Как отмечает С.Токць, под «польским» мы понимаем движение за возрождение суверенитета Речи Посполитой и независимость её политического народа. Токць С. Нацыятворчыя працессы на Гарадзеншчыне. 19 – пачатак 20 ст. у святле тэорыі мадэрнізацыі. – Гістарычны альманах. Т.6. 2002. С.142.

** Развитие национальных движений в Российской империи, по мнению историка Б.Н.Миронова, укладывается в схему, предложенную чешским историком М. Грохом для описания национальных движений в Центральной и Восточной Европе в XIX - начале XX вв.: **в фазе пробуждения (фаза А)** возникает интерес сравнительно небольшой группы национальной интеллигенции к языку, истории и фольклору определённого народа, определяются границы этнического группового пространства, идентифицируется материальная культура; **в фазе агитации (фаза В)** небольшая часть членов этнической группы, под влиянием схожих национальных движений распространяет национальное сознание в широких слоях данного народа и, наконец, **в фазе массового движения (фаза С)** данный народ в целом охватывается идеями национального самосознания и мобилизуется на борьбу сначала за автономию, а затем за независимость. Во второй половине XIX – начале XX в. стадия массовой мобилизации наблюдалась до 1905г. только у русских, поляков, финнов, эстонцев, латышей, литовцев, грузин и армян, а у остальных этносов – в 1917г. или позже. Б.Н.Миронов. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). – СПб. 1999. Т.1. С.39.

жертв этого террора (православные крестьяне и мещане, представители местной администрации и духовенства).³⁵ Поэтому представляется вполне корректным рассматривать революционный террор, осуществляемый сторонниками Калиновского в Северо-Западном крае, в качестве инструмента развязывания локальной гражданской войны против лояльного правительству православного населения. Последовавшие в процессе нарастания событий решительные действия генерал-губернатора М.Н.Муравьёва привели к тому, что польский вооружённый мятеж в Северо-Западном крае не получил широкого распространения и к осени 1863г., без применения массовых репрессий, был подавлен. Из более чем 77000 участников антигосударственных выступлений различного рода уголовным преследованиям подверглось от 16 до 17,5% общего числа мятежников.³⁶

Однако в рамках сконструированного автором этнополитического конфликта регионально специфическому польскому сепаратизму *предписываются* белорусские национальные интересы, белорусская этническая идентичность и несвойственный ему в этом регионе социально-политический масштаб. Известно, что подавляющее большинство белорусских крестьян (из православных практически никто) не поддержало вооружённое выступление разрозненных шляхетских отрядов. Часть из них приняла участие в подавлении мятежа.^{37*}

Поражение отрядов мятежников (по приговорам суда было казнено 128 мятежников и террористов)** расценивается в качестве трагедии белорусского народа, так как, по словам М.Бича, : «Жестокими репрессиями (так у автора!) были уничтожены те поросли белорусского национально-культурного возрождения, которые появились в 40-50-х гг. и надолго искоренены все проявления революционной и возрожденческой деятельности».³⁸ Ещё более радикально высказываются авторы Энциклопедии истории Беларуси: «Поражение восстания стало настоящей национальной катастрофой, которая отбросила этнос в национальном развитии на несколько десятилетий назад»³⁹

Приведённый нами пример формирования образа *стигматизированной* этничности, создания пантеона её героев и мучеников, заимствованных из польской истории, является хрестоматийным для «национальной» историографии. Созданный в результате авторской реконструкции фальшивый героический миф о борьбе белорусского «этноса» за «волю и лучшую долю», приобретает статус научной истины. Созданная совместными усилиями В. Ластовского и советской историографии, наукообразно модернизированная

* События в Северо-Западном крае можно квалифицировать как вооружённый мятеж польской шляхты против российского государства. Представители этой шляхты присягали на верность российскому императору, многие из них получили права и привилегии российского дворянства. Следовательно, эти люди признавали легитимность государственной власти, а значит и неприкосновенность границ Российской империи. Поэтому попытку вооружённых сепаратистов насильственно пересмотреть границы государства можно с полным основанием расценивать как мятеж.

**В качестве мятежников мы определяем тех, кто принимал участие в вооружённых столкновениях с правительственными войсками или призывал население к мятежу против государства. Террористы – это те, кто совершал убийства мирных жителей с целью устрашения - в качестве жандармов-вешателей или палачей-добровольцев. Террорист и мятежник могли выступать и в одном лице.

современными «национальными» историками, мифологизированная и политизированная реконструкция событий 1863г. уже много лет внедряется в общественное сознание белорусов.

Русификация. На пути к пониманию.

Тезис о существовании «самостоятельного белорусского этноса» предопределяет авторскую позицию и по отношению к политике русификации Северо-Западного края, осуществляемой российским правительством в указанный период. Следует отметить, что тема русификации стала своего рода лакмусовой бумажкой для определения методологических позиций исследователей этого периода белорусской истории. Прежде чем приступить к анализу феномена «русификации» в работах М.Бича и других последователей «национальной» историографии, необходимо рассмотреть современные теоретические подходы к изучению этой проблемы. Для этой цели весьма продуктивными представляются методологические подходы к пониманию феномена «русификации», которые предлагает А.Миллер. Сложность проблемы заключается в том, что в настоящее время, применительно к истории Российской империи, понятие «русификация» используется весьма произвольно. Его содержание остаётся неразработанным и неопределённым. Как отмечает А.Миллер, ещё недавно была распространена кажущаяся сегодня абсурдной трактовка русификации исключительно как государственной политики, направленной на тотальную денационализацию и ассимиляцию всех населяющих империю этнических групп.⁴⁰

Следует добавить, что указанный нарратив все ещё остаётся актуальным для «национальной» историографии.

В этой ситуации предложение А.Миллера говорить не о русификации в единственном числе, но о многообразии русификаций, представляется методологически конструктивным. Вывод, который можно сделать из данного предложения заключается в том, чтобы последовательно применять ситуационный подход для изучения региональных процессов реализации русификаторских проектов. Взятый в качестве аналитического инструмента, ситуационный подход предполагает определение всех акторов, вовлечённых в процесс русификации. Для этого необходимо выделить те группы населения, которые явились объектами приоритетного воздействия русификаторского проекта. К ним следует отнести преобладающих в численном отношении белорусов-православных, белорусов католиков и поляков. Выбор этих этноконфессиональных групп в качестве главных объектов русификации обусловлен тем, что от их позиции во многом зависел успех соперничества двух национальных проектов – русского и польского. Следует отметить, что у вышеуказанных групп степень усвоения русского языка и культуры была различной – от полной смены этнической идентичности до различных форм отторжения. Присутствовал также и инструментальный подход, характерный в большей степени для этнических поляков и крестьян-католиков. Это различие в пороге восприятия и мотивациях поведения в отношении русификации

обуславливалось рядом факторов - социальных, культурных, конфессиональных и т.д.

Характеризуя акторов, вовлечённых в процесс русификации, следует отметить, что они выступали не только в качестве объектов воздействия российской этнополитики, но и сами проявляли себя как её активные субъекты. В Северо-Западном крае к числу таких акторов следует отнести: государственный аппарат, систему образования и Православную Церковь. Следует отметить, что во второй половине XIX в. наряду с системными акторами – государственными и церковными, начали действовать общественные субъекты русификации – пресса, общественные и политические организации.

Таким образом, методологические подходы, предлагаемые А.Миллером, позволяют создать необходимую исследовательскую базу для концептуализации понятия «русификация» Северо-Западного края. Научное решение этой проблемы является делом будущего.

Однако уже теперь ситуационный подход позволяет рассмотреть опыт русификации в двух аспектах: *деколонизации* и *модернизации*. Польская социальная элита края, обладая в своей ведущей группе правами и привилегиями российского дворянства, сохраняла после 1861г социально-экономическое и религиозно-культурное доминирование над крестьянским населением края. Различия между доминирующим меньшинством и крестьянским большинством имели сословный, конфессиональный, культурный и частью этнический характер, то есть имелись признаки колониальной ситуации. Эта ситуация основана на культурной дистанции между теми, кто осуществляет власть, и теми, кто подвергается эксплуатации. Нет культурной дистанции – нет колониальной эксплуатации. Эта дистанция маркируется разными средствами – расовыми, этническими, лингвистическими, религиозными, юридическими, одним словом, культурными.⁴¹

Наличие культурной дистанции при сохранении социально-экономического, национального, и в известной степени, религиозного доминирования польской социально-конфессиональной элиты над православным крестьянским большинством, делают возможным, характеризовать Северо-Западный край накануне восстания 1863г. в качестве региона, сохранявшего основные признаки *внутрироссийской польской колонии*. Политический вызов польской шляхты и католического духовенства стал возможен потому, что представители этих привилегированных сословий использовали административные, корпоративные и образовательные структуры Империи для групповой социальной и национальной мобилизации. Тем самым политически нелояльная социальная элита превращалась в главный объект модернизации, осуществляемой российским правительством в этом регионе до 1863г. Вызов польского этнического сепаратизма был не только политическим, но и социально-экономическим, культурным и религиозным, и в силу этого, экспансионистским. Этот проект преследовал двоякую цель – интеграцию Северо-западного края в состав Царства Польского и аннексию этого региона у Российского государства. Поэтому ответ коронной администрации приобретал ассиметричный характер, т.е. включал

комплекс административно-образовательных мер по социальной и национальной мобилизации православных белорусов, т.е. крестьянства. Таким образом, русификация становилась инструментом реализации двух взаимосвязанных процессов – деколонизации и модернизации Северо-Западного края.

Что же касается ситуации в современной историографии, то, как станет видно из приведённых ниже примеров, сложный научный анализ взаимодействия всех акторов русификации, их поведения и мотиваций в изменяющихся социально-экономических и культурно-религиозных ситуациях, редуцируется в основном к оценочно-идеологическим характеристикам. Для описания феномена русификации в историографии традиционно используются публицистические приёмы, идеологические клише,^{*} негативные и эмоциональные характеристики – насильственная, фронтальная, тотальная и т.д.⁴² Русификация осмысливается не как *один из факторов* социального производства белорусской этничности в ситуации пореформенной модернизации⁴³, но в основном как осуществляемая извне *деконструкция* этнической идентичности белорусов, существующих в качестве «самостоятельного этноса». Тем самым содержание идеологически заданного конфликта между «этносом» и Империей приобретает новое измерение - перманентной насильственной ассимиляции в форме русификации. В итоге, сформированный ранее образ стигматизированной этничности белорусов после мятежа 1863г приобретает новые черты. На этот раз белорусам предписывается роль жертвы этнокультурного, религиозного или, иными словами, колониального насилия со стороны «господствующей российской нации»⁴⁴ Стоит, однако напомнить, что Россия была империей без господствующей имперской нации. Она принципиально отличалась, к примеру, от Австро-Венгерской империи, в которой, несмотря на её дуалистичность, господствующее положение занимали немцы.

Парадоксы интерпретации этничности.

Продолжая анализ теоретико-методологических основ «национальной» историографии, следует указать на ставшее уже общим местом утверждение о том, что издания Виленской Археографической комиссии, обширные материалы этнографических и лингвистических исследования российских учёных (Е. Романова, П. Шейна, И. Носовича, М. Дмитриева, Ю. Крачковского и др.), местных краеведов, по «мысли царской

^{*} Вот несколько примеров. «Искоренение исторической памяти, национального сознания и всех этнокультурных особенностей белорусов». - Бич М. Беларускае адраджэнне ў XIX – пачатку XX ст. гістарычныя асаблівасці, узаемаадносін з іншымі народамі. – Мн. 1993. С. 4; «Русификация образования и школьного дела Беларуси оказала отрицательное влияние на процессы консолидации белорусской нации, формирование национального самосознания белорусов»- Снапкоўская С.У. Гісторыя адукацыі і педагогічнай думкі Беларусі (60-я гг. XIX – пач. XX ст). – Мн. 2001С.132; «Русская Православная церковь была главным оружием Российской империи в реализации на белорусских землях русификаторских целей» - Яноўская В. Гісторыя хрысціянскай царквы на Беларусі – Мн. 2002. С.140; «Православная Церковь, её священники должны были переубедить белорусов, что их родная земля извечно – русский край, а сами они ополяченные русские, которых теперь следует вернуть в православную церковь и русскую народность». – Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст) / В.В. Грыгор’ева, У.М.Завальнюк, У.І.Навіцкі, А.М. Філатава; «Антинациональная политика царской России в отношении коренного населения Северо-Западного края только приостановила его духовное развитие, но не могла целиком остановить этот процесс». - Лыч Л, Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. – Мн. 1996. С.214.

администрации» должны были подтвердить «исконно русский характер края», однако, «вопреки официальным установкам, а нередко и стремлениям исследователей объективно засвидетельствовали факт существования самостоятельного белорусского этноса».⁴⁵ Парадоксальный вывод об упрямстве фактов, противоречащих идейным воззрениям их исследователей, без должной критической рефлексии переключал затем в диссертации и монографии.⁴⁶ Указанный вывод, с точки зрения М. Бича и его сторонников подтверждают и материалы Первой Всероссийской переписи 1897г.

Подобная интерпретация результатов работы учёных и статистических органов Российской империи также основана на методологии объективизма. При таком понимании этничности наличие языка и культурных традиций, то есть этнокультурных различий, зафиксированных исследователями и статистикой, вполне достаточно для утверждения «реальности» существования этноса, прежде всего в такой определяющей этничность сфере, как самоидентификация или самосознание. Такой вывод характерен для научного сообщества, в котором особая значимость придаётся этнокультурным различиям. Современная концепция этничности подвергает сомнению подобный взгляд на культурную отличительность и обращает внимание прежде всего на ее процессуальную (социально конструируемую) природу.⁴⁷

Следует отметить, что на социально конструируемую природу этничности, в частности признание роли государственных структур Империи в утверждении и распространении этнонима *белорусы*, указывают и сами последователи «национальной» историографии.* Но каковы же выводы, к которым они приходят? Для этого необходимо проанализировать методы интерпретации данных статистики и работ российских этнографов и местных краеведов.

В Российской империи при переписи 1897г. население разбивалось на группы по религиозному и языковому принципу, при распределении населения по «народностям» за основание принимался родной язык. Следовательно, в основе этого распределения лежали государственные *процедуры*** (В.Тишков), как один из факторов социального производства белорусской этничности. Механизмы переписи не предполагали практику группирования населения по принципу этнокультурного самосознания, то

*«Определённую роль в распространении этнонима *белорусы* сыграла национальная политика царского правительства после восстания 1863-1864гг.» - Чаквин И.В., П.В. Терешкович. Из истории становления национального самосознания белорусов. – Советская этнография. 1990. № 6. С. 49; ”В официальных материалах местной администрации и статистических переписях и католическое и православное крестьянство фигурировала в графе *беларусы*”. Токць С. Нацыятворчыя працессы на Гарадзеншчыне. 19 – пачатак 20 ст. у святле тэорыі мадэрнізацыі. – Гістарычны альманах. Т.6. 2002. С.149; «Расширению этнокультурного (этноязычного) сознания нации способствовала также политика российских властей, которые в конце XIX ст. зачисляют роль в определении национальности начали придавать фактору родного языка». – Смалянчук А.Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – февраль 1917г. – СПб, 2004. С.118.

** Это, во-первых, классификации, предлагаемые учёными (лингвистами, историками и пр.), во-вторых, механизмы переписи, устанавливаемые государством, и, наконец, в- третьих, административные решения. Малахов В.С. Проблемы изучения национализма и этничности в конструктивистской парадигме (на примере российского обществоведения последних десяти лет). – Политическая наука. 2002. № 4. С. 125.

есть по «национальностям». Такой принцип появился лишь в эпоху советского нацио-строительства. Процедуры переписи 1897г. зафиксировали *численность* белорусской «народности» на основе общей языковой принадлежности. Однако результаты переписи (признание большинством населения белорусского наречия в качестве родного) интерпретируются как свидетельство роста «общеэтнического самосознания». ⁴⁸

Таким образом, группе людей, зафиксировавших согласно процедуре переписи белорусский язык в качестве родного, предписываются такие определяющие характеристики этничности, как *осознание* объединяющих их связей в качестве этнических. Осуществляется очередной стадийный прыжок в формировании этничности, призванный упразднить парадоксальность ситуации – объективное существование этноса с отсутствующим на *массовом уровне* общеэтническим самосознанием. Заданность идеологических предпосылок позволяет из анализа сугубо научных трудов делать выводы, не соотносимые с аутентичной позицией этнографов и лингвистов и результатами переписи 1897г. Подобная интерпретация основывается на перманентной абсолютизации этнокультурных *различий* и групповых границ между великороссами и белорусами, игнорируя реальное *сходство*, этническое родство, наличие которого было очевидно для дореволюционных исследователей. Достаточно напомнить, что до начала советского нацио-строительства, сам термин «русские» имел иной смысл и применялся как общее название всех трёх восточнославянских народов: великороссов (великороссов), малороссов (малороссов) и белорусов. В это время между великороссами, малороссами и белорусами не было чётких этнических границ, существовали широкие диалектные и культурно-бытовые переходные зоны. ⁴⁹ «Национальным» историкам необходимо усвоить, что именно такое расширительное понимание «русского», основанного на принадлежности к православию, реально существовало вплоть до 20-х гг. XX в. И только после проведения первых советских переписей населения, в общественном сознании начали утверждаться новые зауженные этнические категории (русский, белорусский, украинский). Современное понимание «белорусского» как этническая категория советского и постсоветского периода, неприменимо к историческим реалиям той эпохи. Следовательно, утверждение представителей коронной администрации и учёных-этнографов об «исконно русском характере края», свидетельствовали не о политике или концепции «уничтожения этнографических особенностей» ⁵⁰ белорусов, но лишь о том, что край этот исторически не является польской территорией.

«Западнорусизм». Проблемы идентификации.

Идеологическая заданность как организующий принцип исследовательского подхода к проблемам этнической идентификации белорусов характерен в интерпретации такого значительного явления научной, общественно-политической, этноконфессиональной и культурной жизни Северо-Западного края, которое принято обозначать как

«западнорусизм». Этот исторический феномен рассматривается «национальной» историографией в качестве «концепции отрицания историчности белорусов как самостоятельной и самобытной этнической единицы, отождествления их с великорусским этносом».⁵¹ Впервые подобное определение было дано А. Цвикевичем в 20-е гг. XX в*, который, по словам современного исследователя, ввёл само понятие «западнорусизм» в научный оборот.⁵² Примером использования этого понятия может служить утверждение А. Смоленчука о том, что: «В 60-70-е гг. при активном участии официальных кругов на почве западнорусской культурной традиции была разработана т.н. «теория западнорусизма». В соответствии с ней Беларусь являлась культурной и государственной частью России, а белорусы – ответвлением русского этноса».⁵³ Устоявшийся научный статус этого понятия не вызывает сомнения у большей части представителей научного сообщества белорусских историков. Для нас же является очевидным, что принять «западнорусизм» в качестве научного понятия – значит признать научный статус термина «самостоятельный белорусский этнос», который является *положительной* теоретико-методологической основой критической работы А.Цвикевича. Следовательно, само определение и реальность, стоящая за ним, находятся в идеологической плоскости, так как целиком основаны на эссенциалистском понимании белорусской этничности. Более того, с помощью этого понятия производится известная уже нам идеологическая селекция этнокультурного и социально-политического содержания формулы «белорусскости», т.е. конвенционально согласованный отбор того, что *предписано* считать аутентично национальным, а что выводить за его рамки. Естественно, что национально-религиозное и идейно-политическое движение, оппонирующее таким узко групповым целям «белорусского национально-освободительного движения», как обособление белорусов в качестве «особой нации» и получение права на национальную государственность, получает в «национальной» историографии негативную оценку как идеологическое обоснование политики русификации.

Следует напомнить, что политика русификации, активно начатая администрацией М.Н.Муравьёва и его ближайшими преемниками, генерал-губернаторами Кауфманом и Барановым, ставила одной из своих целей реконструкцию западнорусского этнического самосознания православного населения. Предполагалось с помощью системы народного и церковно-приходского образования, пастырского служения Русской церкви сформировать осознанное представление о том, что конфессиональные связи, объединявшие людей в приверженности к православию, являются одновременно связями этническими. В результате предпринятых мер, население начало осознавать себя в качестве «русской народности», имеющей здесь, в Северо-Западном крае, свои региональные особенности, говорящей на белорусском наречии и являющейся составной частью большой русской нации.

В такой ситуации попыткой научного анализа феномена, именуемого «западнорусизм», может стать применение конструктивистского подхода к

*Цвiкeвiч А. “Западно-руссизм”. Нарысы з гiсторыi грамадскай мыслi на Беларусi у XIX i пачатку XXв. – Мн. 1993.

изучению проблем социального производства белорусской этничности. Такой подход предполагает, что этничность не является природным свойством индивида, и что в производстве этничности участвуют исторические, политические, социокультурные и социально-психологические факторы. Историческую динамику и сложность взаимоотношений этих факторов в процессах конструирования этничности уместно проследить в рамках концепции М. Гроха. Для деидеологизации дискурса следует принципиально отказаться от утвердившегося в «национальной» историографии представления о том, что только группа внесистемных этнических активистов обладает монопольным правом представлять национальное движение в Северо-Западном крае. Присвоение монополии на представительство аутентичной «белорусскости» группе активистов не соответствует историческим реалиям. Кроме того, претензии на монополизм вносят путаницу в использование этнических категорий, связанную с идеологической ориентацией «национальных» историков. Во-первых, это «движение» накануне 1917г. представляло собой небольшую группу маргинальной интеллигенции. Выработываемое этой группой зауженное понимание белорусской этничности воспринималось в основном в католической среде, но не оказывало заметного воздействия на содержание массового русского самосознания православного населения. Во-вторых, с точки зрения этого самосознания, этнические категории «западнорусский» и «белорусский» не противоречили друг другу, как это утверждают «национальные» историки, а наоборот, являлись *синонимами*. Поэтому белорусское интеграционное движение (предлагаю вместо идеологического понятия «западнорусизм») в производстве этничности было столь же аутентично национально, как и его исторические оппоненты, захватившие в постсоветской историографии монополию на «белорусскость». Более того, применение концепции М.Гроха для описания начальных стадий белорусского национального движения «А» и «Б» становится корректным лишь при условии, что ведущим субъектом этого процесса является движение интеграционное, реально претендовавшее на этот статус до падения монархии.

Следование этим принципиальным условиям позволяет выяснить, что в формировании стадии «А», в новой интеграционной интерпретации, инициативная роль принадлежит тем, кого А.Смоленчук определяет как представителей «западнорусской традиции» – историкам И.Григоровичу, М. Без-Корниловичу, О.Турчиновичу, филологу П.Шпилевскому. В пореформенный период исследования этнической культуры белорусов, осуществлённые упомянутыми ранее Е. Романовым, П. Шейном, И. Носовичем, М.Дмитриевым и др. должны были, по его мнению, способствовать «укреплению западнорусизма». ⁵⁴ Деидеологизированный подход к этой проблеме позволяет в свою очередь сделать вывод о том, что научная деятельность этнографов, лингвистов и распространение их работ в образованной среде способствовали оформлению стадии «А» и трансформации её в стадию «Б».

Однако решающую роль в процессе стадийного оформления и развития белорусского интеграционного движения сыграла этнополитическая ситуация в Северо-Западном крае, сложившаяся после

польского мятежа 1863г. Эта ситуация пореформенного российско-польского соперничества в социокультурной, экономической и религиозной сферах предопределила выдвигание в качестве приоритетных такие формы этнической идентичности белорусов, сущность которых – общность, лояльность и различие. К ним относятся представления:

- об общем с великороссами и малороссами территориальном и историческом происхождении белорусов;
- об общерусской этноконфессиональной самоидентификации;
- об этнической общности и солидарности на основе политической и конфессиональной лояльности к российской монархии и Православию;
- об этнической отличительности, т.е. принадлежности к белорусскому народу в границах большой русской нации;
- о различиях и групповых границах с поляками.

Социальное конструирование этих форм осуществлялось с помощью государственных процедур, светского и религиозного образования, социокультурной практики предписаний и маркировки различий. В процессе конструирования этничности (стадии «А» и «Б») белорусское интеграционное движение приобрело *преобладающее* значение. Оно начало осуществлять официальную политику этнического предпринимательства, т.е. мобилизацию членов этнической группы со стороны системных лидеров и активистов.⁵⁵ В роли субъекта этого процесса выступали представители коронной администрации (М.Н.Муравьев, К.П.фон Кауфман, Э.Т. Баранов), светского образования (И.П.Корнилов, П.Н.Батюшков), православное духовенство (митрополит Иосиф Семашко), публицисты, члены православных братств, общественных и, после 1905г., общерусских националистических организаций. Идейной основой движения стала интеллектуальная и публицистическая деятельность историографической школы М.О.Кояловича и его последователей (А.И.Миловидов, Г.Я.Киприанович и др.).

Конструирование общерусской идентичности в силу её инклюзивности и конфессиональной определяющей, (по утверждению А.Каппелера, в пореформенный период «этно-языковая и конфессиональная идентичность всё ещё были тесно взаимосвязаны, причём эта связь, как правило, усиливалась»⁵⁶), не предполагала необходимости гомогенизации этнической группы русских, то есть великороссов, малороссов и белорусов. Речь шла о формировании сложного этнического самосознания, которое включало бы двойную идентификацию. Белорусский интеграционный проект можно определить как «гипостазирование» характерных черт этнической идентификации белорусов в общерусской этнической общности (большой русской нации). В этом проекте белорусское интеграционное движение выступило как составная часть русского национального движения в России в начале XX в. Поэтому реализация этого проекта на стадии «С», предполагала диаметрально противоположный вектор политического действия, – сохранение государственной целостности Российской империи.

Предложенная интерпретация белорусского интегративного движения позволяет сделать попытку ответа на вопрос: кто же является реальным референтом употребляемого в «национальной» историографии термина «самостоятельный белорусский этнос»? В соответствии с подходом, предлагаемым В. Тишковым, в качестве такого референта следует определить группу людей, находящихся в состоянии этнического дрейфа.⁵⁷ Основное направление этого дрейфа, сложившееся к началу XX в. – русское, понимаемое в этнических категориях того времени. Об этом свидетельствуют: наличие нескольких этнических идентификаций членов группы (*род белорусский, нация российская*); распространение этнонима *белорусы* при сохранении локальных этниконов (*полещуки, тутэйшыя*); преобладание конфессионального фактора в маркировке этнических границ как внешних, так и внутри самой группы (русский - православный, поляк - католик); культурная гибридность славянского населения (изменения в традиционной крестьянской культуре под воздействием польской и русской дворянских культур). Динамику и векторы этнического дрейфа белорусов во второй половине XIX – начале XX вв. определяли сложные взаимоотношения всех факторов и субъектов социального производства этничности в Северо-Западном крае. Такой подход, намеченный в данной статье, позволяет решать проблемы терминологии и идентификации, не прибегая к эссенциалистской парадигме этничности.

По утверждению Р.Линднера, сегодня большинство историков в Минске, Гродно и Гомеле ставят под сомнение рациональность конкурирующих концепций прошлого. Они стремятся показать историю Беларуси такой, какая она была на самом деле, а именно - историей страны промежуточного геополитического положения и этнического, культурного и религиозного многообразия.⁵⁸ Очевидность такого стремления не вызывает сомнения. Проблема заключается в том, что теоретико-методологической основой исследователей истории XIX – начала XX вв., по-прежнему остаётся специфическое понимание этого многообразия. Оно *сфокусировано* на идеологеме «самостоятельного белорусского этноса», а критерии этничности, применяемые в исследованиях, не выходят за рамки эссенциалистской парадигмы.

Итоги.

К сожалению, уровень научной рефлексии, характерный для большинства представителей современной белорусской историографии, не позволяет различать идеологический и научный подходы в исследовании указанных проблем. Идеологическая ангажированность, отсутствие интереса к современному пониманию этничности, сформировавшемуся в социологии, социальной психологии, социальной и культурной антропологии делает весьма сложным привлечение соответствующей группы источников, без определения и научной интерпретации которых исследование проблем этнической идентификации, носящее междисциплинарный характер, утрачивает эвристическое значение. На практике это привело, и будет приводить, к повторению известной нам уже идеологической схемы. Существует опасность, что и в обозримом будущем белорусская историография, ориентированная на создание «субъектной истории страны» в своих подходах к изучению этнической идентификации

белорусов не выйдут за рамки «этнонационалистического обществознания».

- ¹ Церашковіч П.В., І.У. Чаквін. Беларусы. Энцыклапедыя Гісторыі Беларусі. Мн., 1993. Т.1, С.473.
- ² Тевдой-Бурмули А.И. Старые теории и новые проблемы. - Политическая наука. 2002. № 4., С.113.
- ³ Сміт Э. Нацыяналізм у дваццатым стагоддзі. Мн., 1995. С.с 36-39.
- ⁴ Лёсік Я. Аўтаномія Беларусі. – Мн.1917. С.с.1,12.
- ⁵ Тевдой-Бурмули А.И. Старые теории и новые проблемы. - Политическая наука. 2002. № 4., С.101
- ⁶ Там же. ... С.101.
- ⁷ Зайончковский В. Социальное самосознание татар, бурят, и башкир в России и СССР – преемственность или разрыв традиции ? – Политическая наука. 2002. № 4., С. 46.
- ⁸ Радзік Р. Прычыны слабасці нацыятворчага працэсу беларусаў у XIX- XX ст. – Беларускі гістарычны агляд. Т.2. Сшытак 2. Снежань 1995. С.213.
- ⁹ Зайончковский В. Социальное самосознание татар, бурят, и башкир в России и СССР – преемственность или разрыв традиции ?. – Политическая наука. 2002. № 4., С. 45.
- ¹⁰ Там же С.45.
- ¹¹ Сміт Э. Нацыяналізм у дваццатым стагоддзі. Мн., 1995. С.130.
- ¹² Малахов В.С. Проблемы изучения национализма и этничности в конструктивистской парадигме (на примере российского обществоведения последних десяти лет). – Политическая наука .2002. № 4., С.126.
- ¹³ Бендин А.Ю. «Нацыянальнае адраджэнне» ў вышэйшай школе Беларусі (канец 20-х – пачатак 30-х гадоў). – Нацыянальная самасвядомасць і выхаванне моладзі. Зборнік навуковых прац. Пад навук. рэд. А.С. Лапцёнкі, В.А. Салеева. – Мн. 1996. С.с. 25-36.
- ¹⁴ Коротева В.В. Этнические символы и символическая природа этничности: концепции Дж.Армстронга, Э. Смита и Э. Хобсбаума. – Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. Сб.статей. – М.1994. С. 40.
- ¹⁵ Касцюк М.П. Асноўныя вынікі і задачы даследавання гісторыі Беларусі. Матэрыялы II Усебеларускай канферэнцыі гісторыкаў. 10-11 красавіка 1997г. Мн. 1999. С.4.
- ¹⁶ Лінднэр Р. Нацыянальныя і “прыдворныя” гісторыкі “лукашэнкаўскай” Беларусі. – Гістарычны альманах. 2001. Т.4. С. 209.
- ¹⁷ Краўцэвіч А. Агульныя праблемы гістарычнай навукі ў Беларусі. – Гістарычны альманах. 2001. Т.4. С.10.
- ¹⁸ Сакалова М. Пра разуменне паняццяў “нацыя” і “этнос” у сучаснай айчыннымай гістрыяграфіі. – Гістарычны альманах. 2002. Т.6. С.167.
- ¹⁹ Малахов В.С. Проблемы изучения национализма и этничности в конструктивистской парадигме (на примере российского обществоведения последних десяти лет). – Политическая наука. 2002. № 4. С.121.
- ²⁰ Навуменка Л. Этнічная ідэнтычнасць палякаў у Беларусі. - Гістарычны альманах. 2002. Т.6. С.182.
- ²¹ Біч М. Беларускае адраджэнне ў XIX – пачатку XX ст. гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі. – Мн. 1993. С. 9.
- ²² Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – Изд. 2-е. – М., 1997. С.230.
- ²³ Там же С. 229.
- ²⁴ Біч М. Беларускае адраджэнне ў XIX – пачатку XX ст. гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі. – Мн. 1993. С.с.4,8.
- ²⁵ Церашковіч П.В., І.У. Чаквін. Беларусы. Энцыклапедыя Гісторыі Беларусі. Мн., 1993. Т.1, С.472.
- ²⁶ Коротева В.В. Этнические символы и символическая природа этничности: концепции Дж.Армстронга, Э. Смита и Э. Хобсбаума. – Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. Сб.статей. – М.1994. С. 45.
- ²⁷ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – Изд. 2-е. – М., 1997. С.230.
- ²⁸ Біч М. Беларускае адраджэнне ў XIX – пачатку XX ст. гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі. – Мн. 1993. С. 15.
- ²⁹ Біч М. Паўстанне 1863-1864 гг. у Польшы, Беларусі і Літве. – Энцыклапедыя Гісторыі Беларусі. Т.5. Мн. 1999. С.450.
- ³⁰ Каўка А. Беларускі вызваленчы рух: спроба агляду. – Спадчына. 1991, № 5, С.6.
- ³¹ Каспэ С.И. Империя и модернизация. Общая модель и российская специфика. – М., 2001. Сс.122-124.
- ³² Жлоба С.П. Национальный вопрос в публикациях и выступлениях К.Калиновского. – Паўстанне 1863 года і яго гістарычнае значэнне. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі 10-11 кастрычніка 2003 года. – Брест. 2004. С.18.
- ³³ Каўка А. Беларускі вызваленчы рух: спроба агляду. – Спадчына. 1991, № 5, С.6.
- ³⁴ Лыч Л., Навіцкі У. Гісторыя культуры Беларусі. – Мн. 1996. С.167.

- ³⁵ Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки. Ф.629. д. 186. Лл.1-55; Сидоров А.А. Польское восстание 1863 года. Исторический очерк. – СПб., 1903. С.228; Мосолов А.Н. Виленские очерки 1863-1864 гг. (Муравьевское время). – СПб., 1898. С.27; Брянцев П.Д. Польский мятеж 1863г. Вильна.1892. С. 263.
- ³⁶ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863-1864гг. в пределах Северо-Западного края. В 2 ч. Ч.2. Переписка о военных действиях с января 10-го 1863 года по 7-е января 1864 года. Сост. А.И.Миловидов. – Вильна, 1915. С.LIV.
- ³⁷ Мосолов А.Н. Виленские очерки 1863-1864 гг. (Муравьевское время). – СПб., 1898. С.8., Граф М.Н. Муравьев. Записки о мятеже в Северо-Западном крае 1863г. Русская старина. № 11. 1882. С.с. 422-423; Дневник П.А.Валуева министра внутренних дел в двух томах. Т.1. 1861-1864. М.1961.С. 221.
- ³⁸ Біч М.Паўстанне 1863-1864гг. Кастусь Каліноўскі. – Гістарычны альманах. Т.6. 2002. С.38.
- ³⁹ Церашковіч П.В., І.У. Чаквін. Беларусы. Энцыклапедыя Гісторыі Беларусі. Мн., 1993. Т.1, С. 471.
- ⁴⁰ Миллер А. Русификации: классифицировать и понять. – *Ab imperio*. 2002. №2. С. 134.
- ⁴¹ Эткінд А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации. Новое литературное обозрение. № 59. 2003. С.с. 108 – 112.
- ⁴² Нарысы гісторыі Беларусі: У 2 ч. Ч 1. – М.Касцюк (гал.рэд.) і інш. Мн. 1994. С.334.
- ⁴³ Бендин А.Ю. Граф М.Н.Муравьев Виленский и национальное пробуждение белорусского народа в 60-е годы XIX в. – IX Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры «Церковь и ответственность за творение»: Материалы чтений (Минск, 23-26 мая 2003г) В 2 ч. Ч.1 / Отв. ред. и сост. А.Ю.Бендин. – Мн. 2004.С.с. 168-193.
- ⁴⁴ Біч М. Беларускае адраджэнне ў XIX – пачатку XX ст. гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі. – Мн. 1993. С.8.
- ⁴⁵ Біч М. Беларускае адраджэнне ў XIX – пачатку XX ст. гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі. – Мн. 1993. С. 12; Чаквін І.В., П.В. Терешкович. Из истории становления национального самосознания белорусов. – Советская этнография. 1990. № 6. С. 49.
- ⁴⁶ Восович С.М. Учебные заведения православного духового ведомства в Беларуси. Конец XVIII века – 1914г. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. к. и. н. – Мн. 2003. С. 16; Смалянчук А.Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – февраль 1917г. – СПб, 2004. С.120.
- ⁴⁷ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – Изд. 2-е. – М., 1997. С.229.
- ⁴⁸ Чаквін І.В., П.В. Терешкович. Из истории становления национального самосознания белорусов. – Советская этнография. 1990. № 6. С. 49.
- ⁴⁹ Козлов В.И. О сущности русского вопроса и его основных аспектах. – Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 5. 1993. С.33.
- ⁵⁰ Смалянчук А.Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – февраль 1917г. – СПб, 2004. С.120.
- ⁵¹ Каўка А. Заходнерусізм. Энцыклапедыя Гісторыі Беларусі. Мн., 1996. Т.3, С.417.
- ⁵² Литвинский А.В. Западноруссизм в российской историографии второй половины XIX – начала XX века.- Автореферат дисс. на соискание уч. ст. к. и. н. – Мн. 2004. С. 5.
- ⁵³ Смалянчук А.Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – февраль 1917г. – СПб, 2004. С.с. 119-120.
- ⁵⁴ Там же. ... С.с. 57,120.
- ⁵⁵ Малахов В.С. Проблемы изучения национализма и этничности в конструктивистской парадигме (на примере российского обществоведения последних десяти лет). – Политическая наука. 2002. № 4. С.122.
- ⁵⁶ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М.2000. С. 210.
- ⁵⁷ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. – Изд. 2-е. – М., 1997. С.233.
- ⁵⁸ Лінднэр Р. Нацыянальныя і “прыдворныя” гісторыкі “лукашэнкаўскай” Беларусі. – Гістарычны альманах. 2001. Т.4. С.с. 214-215.